

УДК: 398+808

РУС ФОЛЬКЛОРШУНОСЛИГИДА АНЪАНАВИЙ ЛИНГВИСТИК ФОРМУЛАЛАР

ТРАДИЦИОННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМУЛЫ В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

TRADITIONAL LANGUAGE FORMULAS IN RUSSIAN FOLKLORE

Д.Турдалиев¹¹Д.Турдалиев

— ФерГУ, преподаватель кафедры русской филологии.

Аннотация

Мақола фольклоршуносликида анъанавий лингвистик формулаларни ўрганишга бағишланган. Унда ушбу масаланинг ўрганилиш тарихи, формулаларнинг халқ оғзаки ижоди поэтикасидаги аҳамияти ёритилади, анъанавий лингвистик формулалар фольклор асарлар сюжетининг бирлаштирувчи бўғини эканлиги тўғрисида ҳулоса қилинади.

Аннотация

Статья посвящена изучению традиционных языковых формул в фольклористике. В ней освещается история изучения данного вопроса, значимость формул в поэтике фольклорных художественных традиций, делается вывод о том, что традиционные языковые формулы являются связующим звеном сюжета фольклорных произведений.

Annotation

The article is devoted to the study of traditional language formulas in folklore studies. It highlights the history of studying this issue, the significance of formulas in the poetics of folk art traditions, and concludes that traditional language formulas are a connecting link in the plot of folklore works.

Таянч сўз ва иборалар: халқ оғзаки ижоди, фольклор тили, анъанавий формула, *loci communes*, лейтмотив, поэтика, қаҳрамонлик эпоси, эртак, билина, достон.

Ключевые слова и выражения: устное народное творчество, язык фольклора, традиционная формула, *loci communes*, лейтмотив, поэтика, героический эпос, сказка, былина, дастан.

Keywords and expressions: folk art, folklore language, traditional formula, *loci communes*, leitmotif, poetics, heroic epic, fairy tale, "bylina", "dastan".

Язык фольклора всегда представляет интерес для учёных разных специальностей: литературоведов, историков, этнографов и культурологов. Каждый из жанров фольклора обладает собственной поэтикой, своими языковыми особенностями, которые являются культурным наследием народов.

Известно, что наиболее значимой особенностью языка фольклора является его традиционный характер. Это явление обнаруживается практически во всех жанрах фольклора: в обрядовой поэзии и внеобрядовой лирической поэзии, заговорах, сказочной прозе, но особенно выразительно оно представлено в волшебнo-героических сказках и героическом эпосе. В сказках и эпосе, например, при помощи традиционных формул описываются различные качества характера и внешность героев, они просматриваются и на уровне сюжетно-композиционного строения данных областей эпического фольклора.

Традиционные формулы глубоко самобытны, в них ярко отражается национальная специфика, культурные особенности создавшего их народа.

Героический эпос — одно из совершенных созданий мирового фольклора. Окончательно сформировавшийся в большинстве случаев в средневековую эпоху, он и сейчас поражает мощным эпическим дыханием, монументальностью образов, совершенством формы. В течение длительного времени эпические песни являлись «единственной трибуной народной мысли, в них аккумулировалась эмоциональная и интеллектуальная энергия народных масс, сосредоточивались представления о прошлом и будущем» [13,560]. По этому поводу Ф. И. Буслаев замечал: «По мере того, как народ становится внимательнее к своим историческим судьбам, он начинает чувствовать потребность отмечать в памяти

АДАБИЁТШУНОСЛИК

важнейшие события, оставившие след в его жизни» [2, 21].

Замечательными образцами эпической поэзии являются поэмы Гомера, английские сказания о Беовульфе, испанские – о Сиде, французские – о Роланде, киргизский «Манас», армянский «Давид Сасунцы», грузинский «Витязь в тигровой шкуре», бурят-монгольские улигеры («Гэсер»), шорские кай, якутские олонхо и др. Среди них достойнейшее место занимают русские былины и узбекские дастаны. Важное значение имеет и тот факт, что и те, и другие сохранились в форме отдельных песен.

Ученые уже давно обратили внимание на факт сходства героических эпических песен разных народов как в плане их содержания, так и формы, в частности, и на сходство некоторых феноменов содержания и поэтики русского и узбекского героического фольклора [6]. В первую очередь обращают на себя внимание такие практически обязательные мотивы, как чудесное рождение героя, его необыкновенное младенчество, различного рода испытания, поединок с чудовищным/иноземным врагом, поиски невесты и женитьба, странствия, уход. В фольклоре данных народов для оформления таких общих мест выработаны специальные клише.

Следует отметить, что кроме наиболее употребительного на данный момент термина «формула», исследователи используют и иные терминологические обозначения, зачастую одних и тех же элементов эпического текста. К таковым относятся «типические места» (А.Ф. Гильфердинг), «общее место» (А.Н. Веселовский, П.Г. Богатырёв, Е.М. Мелетинский и др.), «формульное выражение» (А. Лорд), «лейтмотив» (П.Г. Богатырёв, Л.А. Астафьева), «атрибутивные описания», «переходные типизированные описания» (Л.А. Астафьева) и некоторые другие.

Одной из первых работ в области исследования традиционных формул была монография Ф.К. Миклошича, где «*loci communes*» изучались автором на материале сербохорватского, болгарского, украинского и русского эпоса [9, с. 203-236]. Этим он положил начало изучению языковых формул в русской фольклористике.

Вслед за ним А. Ф. Гильфердинг и В. Ф. Миллер, изучая поэтические средства былин, также выделили «*loci communes*» как характерную черту их стиля. Так, А. Ф. Гильфердинг выделил в былинах две составные части: «места типические, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собой типические места и в которых рассказывается ход действия» [12,43]. В. Ф. Миллер рассматривал типические места в былинах уже как традиционные, сложившиеся издавна в среде певцов-профессионалов и передававшиеся устно из поколения в поколение. По мнению ученого, типические места включают в себя описание конкретных, привычных бытовых действий: седлание коня, поездка богатыря, игра палицей, стрельба из лука, приезд к князю, вход в палаты, вопрос к богатырю (кто он), питье чары, благословение, хвастовство, одевание шубы и др. [10,42-43,52].

В работах М.Н. Сперанского осуществлена попытка уточнить сущность языковой формульности. Он сопоставил «шаблонные формулы» воинских повестей древнерусской литературы и типические эпизоды былин и сделал вывод о том, что сам процесс сложения былин сопровождался использованием уже существующих формул [20,216-217], что впоследствии было подтверждено и А. В. Позднеевым [14,15].

Возникшая и продолжающаяся до настоящего времени неоднозначность употребления термина «традиционные формулы» диктует необходимость остановиться более подробно на вопросе о сущности данного явления.

В фольклоре общие места (*loci communes*) составляют одни из тех специфических элементов, которые указывают на коллективный характер устного народного творчества. Они «возникли и отшлифовались в процессе длительного живого бытования как результат богатого и разнообразного художественного опыта. Являясь плодом сложного творческого процесса, в котором принимали участие десятки поколений, общие места в конечном итоге превратились в важнейший элемент устной традиции, и вместе с другими традиционными элементами они образовали

всеобщее культурное наследие носителей фольклора» [17,9].

Один из самых крупных российских исследователей эпоса В.М. Жирмунский считал, что сущность типических мест лежит в традиционности жизни и быта средневекового общества, что именно этим обстоятельством определяются особенности эпического стиля. Основную особенность последнего он формулирует следующим образом: «Основная особенность стиля народного эпоса заключается в господстве типического над индивидуальным. При этом направление типизации даётся традицией, чрезвычайно прочной, иногда очень древней, соответствующей уровню народного сознания, коллективному опыту народных масс. Коллективное, традиционное определяет рамки индивидуального, личный почин сказителя может проявиться лишь в рамках сложившейся традиции» [7,426-427].

Вопрос о том, что понимать под традиционной формулой, неразрывно связан с вопросом типизации. В этой связи следует отметить, что в числе важнейших особенностей языка фольклора исследователями назывались: а) различного вида повторы, от простого лексического, когда внутри отрезка текста (предложения, строфы) повторяется одно и то же слово, до повторения, почти буквального, целых описаний, так называемые *loci communes* (общие места); б) употребление постоянных эпитетов; в) использование постоянных сравнений; г) синтаксический параллелизм.

В настоящее время одной из наиболее авторитетных работ в направлении изучения традиционных формул остается известное исследование Н.Рошияну [17]. На материале главным образом румынских сказок, а также сказок некоторых славянских, западноевропейских и восточных народов, Н.Рошияну проанализировал состав формул и определил их функции. Предложенная Н. Рошияну классификация формул является сегодня общепринятой. По Рошияну, все формулы делятся на три группы в соответствии с их положением в композиции сказки – инициальные, медиальные и финальные. Рассматривая структуру традиционных формул и идентифицируя функции их морфологических элементов, Н. Рошияну устанавливает инвариантные модели, по которым реализуются конкретные

варианты. Эти модели отражают закономерности, которые лежат в основе традиционных формул. Данное исследование породило целую группу работ, в которых феномен традиционных формул осмыслился именно на материале сказки, приобретая общетеоретический характер.

Появилось и более узкое понимание формулы. Н.М.Герасимова, опираясь на исследование Н.Рошияну, выделяет структурные элементы инициальных и финальных формул и именует формулами то, что румынский фольклорист называет морфологическими элементами. Так, анализируя структуру начальных и заключительных формул, Н. М. Герасимова констатирует: «Сказочник часто использует традиционные формулы в присказке и зачине» [4,19]. По ее мнению, зачин может состоять «из одной инициальной формулы одного типа, максимальное же число таких типов для русской волшебной сказки, по нашим наблюдениям, — пять: формулы времени, формулы пространства, формулы существования героев, формулы наличия или отсутствия (кого-либо или чего-либо) и формулы недостоверности» [4,22]. Она говорит о двух закономерностях, регулирующих разнообразие зачинных формул: «Первая заключается в формульной синонимии, вторая — в стремлении к амплифицированию (расширению, накоплению синонимических образований с целью повышения экспрессивности высказывания) или редуцированию (ослаблению, сокращению) входящих в формулу элементов» [4,22]. А их разнообразие состоит из соединений этих типов формул и составляющих их элементов.

В работах последнего времени по языку и стилю русских сказок можно найти несколько развёрнутых определений фольклорной формулы. Н.М.Ведерникова определяет формулу как «поэтические штампы, часто повторяемые в пределах одного текста, которые используются волшебными сказками различных сюжетов» [3,62].

Согласно О.А.Давыдовой, формула определяется как «устойчивое сочетание слов, состоящее не менее чем из двух знаменательных слов, неоднократно воспроизводимое в тексте сказки

АДАБИЁТШУНОСЛИК

несколькими сказочниками при описании определённой ситуации» [5,12].

Г.Я.Симина описывает свойства формул следующим образом: «В сказках многочисленны устойчивые сочетания, которые воспроизводятся раз и навсегда в заданной форме, ритме, составе и всякий раз повторяются, по крайней мере, трижды в рамках сказочного повествования. Эти устойчивые формулы представляют собою предложение или группу предложений, ритмически организованных внешней или внутренней рифмой, лексическими повторами» [18,110]. Видный исследователь русского фольклора И.А. Разумова наиболее общими признаками формульных стереотипов считает:

1. Стабильность, основанную на жесткой структуре, синтаксической и лексико-семантической идентичности и, в большинстве случаев, на ритмико-звуковой организации.

2. Устойчивость – постоянство в процессе передачи традиции, иными словами «формула сохраняется во времени (на определенном этапе бытования жанра) и воспроизводится разными исполнителями, встречается в сказках на разные сюжеты, повторяется в одном и том же тексте» [16,21].

3. Цельность заключенного в стереотипе смысла, значения. «Этот признак наиболее сложен, так как требует для своей конкретизации обращения к истории и специфике жанра» [16, 21].

Что касается материала русских былин и узбекских героических песен, то к изучению их формульного характера в XX веке, помимо указанных выше работ общетипологического плана, обращались практически все крупные исследователи былин: А.П.Скафтымов, А.М. Астахова, В.М.Жирмунский, Е.М.Мелетинский, М.М. Плисецкий, В.Я.Пропп, Б.Н.Путилов, В.П. Аникин, Ю.В. Новиков, Х.Т.Зарифов, Т.М.Мирзаев и др.

А.П.Скафтымов, изучая русские былины, обратил внимание на константу идейного направления формул: «Бесчисленные стилистические вариации происходят в пределах единой общей направленности. Меняя конкретно образные детали, былина оставляет неизменным тот эстетико-психологический эквивалент,

который они в себе несут в каждом данном случае» [19,69]. Он подчеркивает описательную функцию формул в сюжете былины: «Вообще былина описывает лишь тогда, когда описание вызвано прямой направленностью рассказа, когда описание нужно непосредственно по самому существу той конкретной задачи, которую ставит себе данный сюжет. Поэтому ее описания всегда относятся прямо к главным лицам рассказа и захватывают непременно только те черты, которые ближайшим образом ведут сюжет. Вот почему в былинах о Дюке описывается только его богатство, в былинах о Чуриле его наружность и костюм, в былинах о Микуле его соха, в былинах о женитьбе Владимира краса его невест и т. д. Поэтому же в былинах о богатырских подвигах описывается седлание коня и поездка богатырская. Здесь герой былины является предметом любования исключительно с этой воинской стороны, и художественный свет дан только сюда» [19,91].

Известный исследователь былин В.П.Аникин утверждает, что «стиль былин неизменно предполагает использование общих мест (*loci communes*). Это формулы привычного изображения повторяющихся ситуаций, вроде скакания богатыря через стену, пирования в гридне, установления в чистом поле белого шатра и пр. Повторяющиеся общие места суть емкие стилистические формулы, которые относятся к каждой отдельной былина так же, как и ко всякой другой, так как воспроизводят наиболее часто встречающиеся в былинах сюжетные положения, действия, привычные речи персонажей» [1,357].

По мнению другого известного ученого С.Ю.Неклюдова, «повторяемость за пределами одной языковой традиции свидетельствует о стереотипности уже не формальной (различные стилистические трафареты, “общие места”, формулы), а содержательной (сюжеты, темы, мотивы); именно этот уровень является полем семантического исследования, языковые клише представляют для него интерес лишь как манифестации определенного (и обычно весьма устойчивого) содержания» [11].

Обращая внимание на семантику тех или иных формул, он констатирует, что семантика текстового сегмента «может рассматриваться как подобное слову

цельное смысловое единство, чем крепче его внутренние связи, а это тоже прямо зависит от объема сегмента. Таковы, например, устойчивые словосочетания (леса темные, дорожка прямая, богатырский голос, добрые кони и т.п.), традиционные формулы сказки (Жили-были; В некотором царстве; Скоро сказка сказывается и т.д.), формулы поэтического языка эпической или лирической песни (Как у ласкова князя у Владимира; А и конь под ним, точно лютый зверь; Встану раным-ранешенько и пр.)» [11,22-41].

Отдельно он останавливается на возможностях объемных традиционных формул: «Более пространные “общие места” фольклорного нарратива (включая трафаретные описания и эпизоды, устойчивые группы стихов или скопления (“прогоны”) формул имеют и более пластичную композицию (благодаря возрастающей свободе комбинирования элементов повествовательной синтагмы), но, несомненно, сохраняют содержательную устойчивость. Она обусловлена стабильностью именно семантических структурных конфигураций (при значительной вариативности на “поверхностном”, языковом уровне) и их относительной семантической сложностью – по сравнению с минимальными отрезками, типа формул поэтического языка. Естественно, набор референций у эпических описаний (седлание коня, богатырская поездка, сражение и т.п.) или у сказочных эпизодов (раздел братьями отцовского

наследства, попадание героя в жилище лесного демона и др.) гораздо богаче, чем у минимальных стилистических формул» [11].

Таким образом, древнейшие представления отразились в структуре и «плане реалий» формул, а также оставили в наследство фольклорному стилю образцы ритуально-иносказательной речи. Как показано современными исследованиями, эпический фольклор наследует универсальность мифологической картины мира, и «основные глобальные координаты этого мира – Д.Т. одновременно являются наиболее важными фундаментальными категориями мира, как он задан обыденному сознанию: это человек, место, время» [8,9]. Поэтому не случайно, что значительная часть традиционных формул воплощает представление о пространстве и времени.

Рождаясь вместе с фольклорной поэтикой, все традиционные формулы выполняют знаковую функцию по отношению к фольклору. «Формулы служат показателем сказки, поскольку они несут заряд “чудесного” [15,77]. При этом наиболее выраженная знаковая функция присуща обрамляющим формулам.

Таким образом, с чисто лингвистической точки зрения понятие традиционной формулы в соответствии с комплексом критериев ее выделения, охватывает явления всех уровней языка – от одного слова до целых предложений и даже абзацев. В общелингвистическом плане формулы также представляют собой широкий спектр разнородных явлений.

Литература:

1. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество: Учеб. / В. П. Аникин. – М.: Высш. шк., 2001.
2. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия / Ф. И. Буслаев // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб.: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. I.
3. Ведерникова, Н.М. Русская народная сказка. / Н. М. Ведерникова – М.: Наука, 1975.
4. Герасимова, Н.М. Формулы русской волшебной сказки / Н.М. Герасимова // Советская этнография (журнал) – М.: Наука, 1978. - №5.
5. Давыдова, О. А. Постоянные эпитеты – элемент варьирования поэтических формул (на материале русских волшебных сказок) / О. А. Давыдова // Исследования по исторической семантике / отв. ред.: А. И. Дубяго. – Калининград: изд-во Калининградского ун-та, 1980.
6. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и запад / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1979.
7. Жирмунский, В.М. Зарифов Х.Т. Узбекский народный героический эпос. – В. Н. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. – М.: Гослитиздат, 1947.
8. Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М.; СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиции, 2005.
9. Миклошич, Ф. Изобразительные средства славянского эпоса: – Древности: Тр. Слав. комиссии Моск. археолог. об-ва / Ф. Миклошич. – М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895. – Т.I.
10. Миллер, В. Ф. Очерки русской народной словесности / В. Ф. Миллер. – М.: тип. т-ва И.Д.Сытина, 1897. – Т.I. – 464 с. – (Ист.-культ. б-ка).

11. Неклюдов, С. Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции / С. Ю. Неклюдов. Сост. В. Е. Добровольская, Н. В. Котельникова. Вып. 8. – М.: ГРЦРФ, 2005. С. 22–41. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov21.htm> (дата обращения: 21.09.2020).
12. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года / Александр Гильфердинг. – Архангельск: северо-западное книжное издательство, 1983.
13. Петросян, А. А. О героическом эпосе народов Советского Союза. Вступительное слово к книге «Героический эпос народов СССР». М.: Художественная литература. 1975 г. – Т. I. – 560 с. (БВЛ, серия 1, Т. 13)
14. Позднеев, А. В. Общие места и “перенесения” в былинах / А. В. Позднеев // Проблемы истории литературы. – М.: Московский государственный заочный педагогический институт, 1964.
15. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – 2-е изд. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
16. Разумова, И.А. Повествовательный стереотип в русской волшебной сказке / Разумова И.А. – Дис. ...канд. филол. наук. – Л.: 1984.
17. Рошияну, Н. Традиционные формы сказки / Н. Рошияну. – М.: Наука, 1974.
18. Сими́на, Г.Я. Языковые средства экспрессии в народных сказках [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук / Г.Я. Сими́на. – Петрозаводск: изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1977.
19. Скафтымов, А.П. Поэтика и генезис былин: Очерки / А.П.Скафтымов. – М.; Саратов: В. З. Яксанов, 1924.
20. Сперанский, М.Н. Русская устная словесность / М.Н.Сперанский. – М.: тип. И.Н.Кушнерева, 1917.

(Рецензент: А.Касымов — доктор филологических наук).